

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
**федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный университет»**

пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, 656049
Тел. (385-2) 291-291. Факс (385-2) 66-76-26
E-mail: rector@asu.ru

ОГРН 1022201770106 ИНН 2225004738/КПП 222501001
л/с 20176U88990 ОКПО 02067818
р/с 40501810401732000002 в ОТДЕЛЕНИЕ БАРНАУЛ г. Барнаул
ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

БИК 04 0173001

09.02.2018

№ 10-2-21/05/740

на № _____ от _____

Утверждаю:

Проректор по научному и инновационному
развитию федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный
университет», доктор исторических наук,
профессор

Евдоким Алексей Алексеевич

Отзыв ведущей организации

на докторскую диссертацию **Алексеева Павла Викторовича**

«Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма», представленную в диссертационный совет Д 212.267.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Национальном исследовательском Томском государственном университете.

Специальность 10.01.01 – русская литература.

Работа П.В. Алексеева демонстрирует интерес современного литературоведения к имагологии. Даже на фоне многочисленных работ, в которых изучаются разнообразные локальные тексты, исследование, посвященное восточному тексту, представляется в высшей степени современным и очень смелым. В центре внимания автора диссертации оказывается не какая-то отдельная составляющая Востока, а весь Восток, каким он запечатлен в русской литературе первой половины XIX века.

Более того, речь идет не только и не столько о реальном локальном образе, сколько о том, который сотворен, изобретен русскими авторами. Процесс его создания учитывает не дихотомию «Запад–Восток», а триаду «Запад–Россия–Восток».

Формирование образа рассматривается традиционно «в контексте восточной поэтики и восточной мифологии» (с. 5), но ситуация усложняется

за счет активного воздействия на литературные процессы политических реалий первой половины XIX века в России и за ее пределами.

Как следствие, восточный текст репрезентирует феномен русского ориентализма. Под русским ориентализмом понимается «стиль художественного мышления, основанный на таком различии Запада и Востока в дискурсах колониализма и постколониализма, при котором происходит формирование русского образа Востока» (с. 6), а под восточным текстом – «сверхтекстовое единство художественных высказываний о Востоке в дискурсе ориентализма» (с. 6).

Восточный вопрос в диссертации имеет непосредственное отношение к самоопределению России, причем не только в прошлом, но также в настоящем и будущем. П.В. Алексеев настаивает на требовании «целостного, неангажированного моделирования структуры русского образа Востока» (с. 7). В этой связи продуктивными представляются размышления о внутреннем и внешнем Oriente, трех временных пластах западно-восточного взаимодействия в русской литературе.

Актуальность диссертации П.В. Алексеева обусловлена не только интересом к восточному тексту как таковому, но и как к тому, что испытало на себе, отразило в себе и транслирует через себя сильнейшее политическое воздействие. Литература предстает в неразрывной связи с историческими событиями, она зависит от них и способна влиять на их последующее развитие.

Предметом исследования стала концептосфера русского ориентализма первой половины XIX века в аспекте имперского дискурса, мифопоэтики и локальности.

Объектом изучения оказались как ядерные, так и периферийные для концептосферы русского ориентализма разножанровые тексты.

Научная новизна работы П.В. Алексеева заключается в том, что в современном литературоведении «проблематика колониального дискурса в русской литературе практически не изучалась» (с. 16). Обращение к ней П.В. Алексеева открывает методологические возможности, которые, в свою очередь, позволяют по-новому интерпретировать как известные, так и малоизвестные произведения русской литературы первой половины XIX века. Диссертант вполне обоснованно претендует на открытия методологического и историко-литературного характера. Это обстоятельство, несомненно, укрупняет масштаб его исследования. На протяжении всей работы П.В. Алексеев стремится уйти от частных, которые ему самому и другим хорошо известны, и оказаться на уровне теоретических обобщений, тем более что материал к этому крайне располагает.

Первая глава диссертации «Концепт «Восток» в русской литературе первой половины XIX века и аспекты его исследования» посвящена всестороннему рассмотрению главного текстопорождающего смыслового единства под названием «Восток». Заметим, что в своей работе П.В. Алексеев руководствуется не столько хронологией появления тех или иных произведений, сколько логикой выстраивания собственной концепции.

Решение рискованное, но оправданное массивом литературы, имеющей отношение к восточному тексту.

Главная мысль П.В. Алексеева сводится к тому, что Восток и восточный текст должны изучаться уже не с позиции традиционной образности и конкретики, а с позиции понятийности и абстрактности. Вся работа свидетельствует о том, что подход к локальному тексту, учитывающий только его видимые, осязаемые и обоняемые составляющие, остался в прошлом, хотя он и актуализируется при необходимости для интерпретации отдельных произведений. Источником своеобразия восточного текста оказывается также не просветительская или романтическая эпоха с ее данностями, а «имперский дискурс», как пишет П.В. Алексеев, или «ориенталистский подход».

Ориенталистский подход неразрывно связан не только с достижениями русских структуралистов и культурологов (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Д.С. Лихачев и др.), но и с трудами зарубежных исследователей и, прежде всего, Э. Саида. Концепция американского ученого рассматривается как «инвариант структурно-семиотического подхода к большим пластам художественного и внехудожественного материала» (с. 35). Автор диссертации осознает всю сложность ее использования, связанную с тем, что Э. Саид не изучал специально русский ориентализм, что он «чрезвычайно широко связал ориентализм и колониализм» (с. 43), что им «художественная литература не исследуется сама по себе как целое, обладающее собственными закономерностями развития, не всегда зависящими от общественной формации» (с. 44). Цель П.В. Алексеева – не поступиться художественными достоинствами произведений русских авторов, но интерпретировать их при этом с учетом колониального дискурса. Более того, вопреки представлениям Э. Саида, Н. Найта, А. Халида, М. Годоровой, он настаивает на том, что русский ориентализм обладает «уникальной концептосферой, а также внутренней логикой эволюционных процессов» (с. 67).

Методологически важным оказывается для П.В. Алексеева то, как соотносятся между собой Восток и восточный текст. Текст включает в себя систему ядерных и периферийных концептов, образующих концептосферу. К ядерным относятся такие смысловые единства, как «русский Восток», «русский ислам», «ориентализация» или «культуризация».

Связи русского восточного текста с колониальным дискурсом продемонстрированы на примерах из творчества А.С. Пушкина. Явно они представлены в повести «Кирджали» и лирическом цикле «Песни западных славян». Завуалированно тема свободы и борьбы с восточной тиранией актуализируется, например, в «Дубровском» и «Капитанской дочке».

Вопреки традиции считать, что Ф.И. Тютчев в своих стихотворениях далек от злободневных вопросов современности, П.В. Алексеев убедительно доказывает, что он на протяжении всего жизненного и творческого пути находился в эпицентре именно общественно-политических проблем, что его творчество продемонстрировало острый интерес автора к идее панславизма и его убежденность в особой исторической роли Российского государства.

Зависимость восточного текста от религиозно-мифологического дискурса рассмотрена на примере творчества Д.П. Ознобишина, чей перевод «Ода Гафица» был опубликован впервые в альманахе «Северная лира на 1827 год». Перенасыщенность стихотворения восточной образностью, которая связывает автора с периферией восточного текста, соседствует, как выясняется благодаря интерпретации П.В. Алексеева, с его глубоким содержанием, которое имеет непосредственное отношение к ядру восточного текста. Внешняя анакреонтическая форма этого произведения не исключает внутреннего, глубинного воспевания любви к богу. Ода рассматривается не только в парадигме легкой поэзии, но и суфийской поэтики. По словам автора диссертации, «мир конкретно-чувственный и метафизический в стихотворении Д.П. Ознобишина образует одно сложное целое» (с. 137-138).

Персоналии восточного текста представлены благодаря размышлениям П.В. Алексеева о творчестве Н.В. Гоголя и А.А. Фета. Образы Ал-Мамуна и Хафиза очень хорошо позволяют продемонстрировать подход «от части к целому», характерный не только для первой главы, но и для всей работы в целом. Н.В. Гоголь находится на периферии концептосферы русского ориентализма, но тем ценнее, что в его творчестве появляется важный для восточного текста образ деспота Ал-Мамуна. Гоголевский миф об этом арабском монархе свидетельствует о преобладании художественной составляющей образа над исторической. Он оказывается напрямую связанным с традициями английского готического романа (трагическое стремление к запредельному знанию, inferнальный компонент образа халифа). В этом случае форма перевешивает содержание, но не отменяет гоголевскую идею «всемира», в соответствии с которой Ал-Мамун – часть единого целого.

Точно так же, как и Гоголь, Фет создает свой миф о восточном поэте Хафизе. У него, как и у Ал-Мамуна, имеются западные литературные источники, в частности труд Георга Даумера, во многом способствовавший воплощению в творчестве А. Фета представлений о «чистом искусстве».

Вторая глава диссертации «Жанрово-тематическое единство восточного текста русской литературы: нарративы, концепты, топосы (А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов)» посвящена рассмотрению ядерной части восточного текста. К ядерным концептам в наследии А.С. Пушкина, кроме уже упомянутых («русский Восток», «русский ислам», «ориентализация» или «культуризация»), относятся «Коран» и «поэт-пророк».

Коран интерпретируется П.В. Алексеевым как одно из средств политической борьбы в царской России. Хотя это обстоятельство не отменяет поэтической ценности священной книги мусульман, ее языка. Размышления о поэтическом и разговорном арабском языке, можно было бы, на наш взгляд, соотнести с особенностями церковнославянского и русского, латинского и итальянского языков. Конфигурация выглядела бы стройной и «всемирной»: Запад (латинский язык) – Россия (церковнославянский язык) – Восток (поэтический арабский язык).

Коран расширяет художественные и политические возможности поэта, арсенал его средств. Так, образ Магомета соотносится с образом Пушкина.

Возникновение эпического начала в русской романтической литературе П.В. Алексеев связывает со священной книгой мусульман, рассматривает ее как образец лироэпического текста (с. 185), который обладает текстопорождающими возможностями (с. 186), а также способностью «провоцировать изобретение сюжетов “восточного романа”» (с. 187). Коран характеризуется и как литературный текст, имеющий конкретные образы и сюжеты, ценные не только сами по себе, но и как средства, обладающие способностью отражать разнообразные представления русского автора, обращающегося к ним и отстаивающего с их помощью национальные интересы России.

Интересными кажутся наблюдения П.В. Алексеева о том, что при написании «Подражаний Корану» Пушкин пользовался и Библией, и Кораном в переводе на французском языке. Мотивы «пустыня» и «гонение» «свидетельствуют о том, что работа Пушкина над «Подражаниями» разворачивалась в контексте Библии и ее литературных интерпретаций» (с. 198), «библейский текст для Пушкина был первоначальным источником появления концепта “пророк”» (с. 199). Это не отменяет того, что концепт «поэт-пророк» обязан своей неповторимостью тексту и метатексту Корана (с. 201). Свидетельствуют об этом мотивы гонения, пещеры, зрелости. Образ поэта-пророка оказывается амбивалентным: западно-восточным, библейско-кораническим. Эти обстоятельства позволяют П.В. Алексееву размышлять вслед за В.Г. Белинским и Ф.М. Достоевским о протезизме и всеотзывчивости Пушкина.

Автор диссертации акцентирует внимание на мусульманских мотивах в стихотворении «Пророк», доказывая связь, которая существует между ним и «Подражаниями Корану». Эксплицитно в тексте «Пророка» представлено больше библейских элементов, а имплицитно – мусульманских. Подобная ситуация объясняется тем, что «Библия и Коран в сознании Пушкина и его современников были включены в единую ориентальную парадигму» (с. 218).

Ориентализм лермонтовского мифа о Востоке напрямую связан с его положением поэта-изгнанника, оказавшегося в этом локусе и сражающегося с мусульманами. По мнению П.В. Алексеева, Лермонтов «осознанно включается в колониальный дискурс» (с. 240). Однако русский поэт видит в варварах людей. Его взгляд на Кавказ оказывается универсальным, поскольку западное и восточное на равных переплетаются в его сознании и душе.

Восточное начало эксплицитно представлено у Лермонтова благодаря концепту «Кавказ». Внешнее и явное в большей степени продемонстрировано и в массовой литературе о Кавказе, в частности, в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек», а внутреннее и потаенное – в элитарной литературе, в частности, в рассказе «Кавказец» М.Ю. Лермонтова. Как следствие, Аммалат-Бек приобретает внешние черты европейца, а кавказец – внутренние черты восточного человека. Интерес к внутренним проявлениям Востока характеризует и автора рассказа.

В этой связи П.В. Алексеев размышляет о концепте свободы личности, который реализуется у Лермонтова через демоническую тему,

концепт «демонизм», а также через тему фатализма, концепт «фатализм». Не вызывает сомнения то, что образ падшего ангела универсален, что он включает в себя особенности западные и восточные, библейские и коранические,

Лермонтовскую универсальность демонстрирует также стихотворение «Три пальмы» и турецкая сказка «Ашик-Кериб». Помимо очевидного содержания баллады и в подтверждение ее западно-восточной синтетичности можно было бы указать на то, что ропот деревьев напоминает хулу, с которой обращается к богу героиня переводной баллады В.А. Жуковского «Людмила». Кроме того, в связи с «Ашик-Кериб» можно было бы вспомнить о бродячих сказочных сюжетах, сказочных перемещениях героя в пространстве, о том, что история героя турецкой сказки Лермонтова отчасти напоминает историю блудного сына, что в Библии Иисус наделяется способностью исцелять незрячих (Евангелие от Матфея; 9, 27-31), что образ белого коня встречается в «Апокалипсисе» (Откровение святого Иоанна Богослова; 6, 2).

В смысле отзывчивости и универсальности Лермонтов, на наш взгляд, не менее последователен, чем Пушкин. Ему выпала особая роль, связанная с тем, что он завершает в русской литературе многое из того, что было начато другими – в «Герое нашего времени», «Демоне», «Маскараде», «Штоссе». «Маскарад», ко всему прочему, очень интересен в связи с проблематикой фатализма и демонизма.

В третьей главе диссертации «Русский человек на Востоке: ориентальный травелог и его роль в имажинативной географии русского ориентализма» в центре внимания П.В. Алексеева находится жанр путешествия на Восток. Авторы описаний, о которых идет речь, опираются на имеющиеся у них ориенталистские знания. Лучшие травелоги оказываются ментальными. Образ Востока предстает в них не только детальным, но и масштабным, не только бытовым, но и бытийным. В путешествиях формируется тип частного путешественника-ориенталиста, который стремится освободиться не только от политического гнета, но и от проявлений неблагополучия в себе самом.

Восток для О.И. Сенковского – это не только романтический феномен, не только иллюзорный мир, но и вполне конкретный «культурно-исторический факт» (с. 298-299). Он демонстрирует серьезнейший интерес к нему, именно научный интерес, хотя это не отменяет, а, вероятно, усугубляет ориентализм Сенковского, просвещенного европейца. П.В. Алексеев, как и издатель «Библиотеки для чтения», демонстрирует хорошее знание материала, послужившего основой для путешествий и повестей барона Брамбеуса. Свою эрудицию он демонстрирует, в частности, при характеристике восточной повести «Антар», при описании особой манеры ее автора иронизировать по поводу своих обширных познаний, касающихся Востока. В такой форме он делится своими представлениями об этой части света. Деструктивный по своей сути прием приобретает позитивный характер игры с хорошо известным материалом. Ирония скрывает и открывает возможные ассоциации, имеющие отношение к истории и политике России.

Ироничная игра с Востоком представлена не только у Сенковского, но и у А.Ф. Вельтмана. Повествователь в романе «Странник» «стремится

подчеркнуть ироническое отношение» (с. 323) к своим знаниям о Востоке в рамках вымышленного путешествия.

А.С. Пушкин в «Путешествии в Арзрум», в отличие от Сенковского и Вельтмана, не играет, а делится своим серьезным реалистическим, а не романтическим представлением о Востоке. Раскрывая характер пушкинского отношения к колониальному дискурсу, П.В. Алексеев пишет о том, что «покорение должно проходить так, чтобы приобретение российского контроля сопровождалось просвещением и установлением порядка» (с. 340), что «русский путешественник на Востоке должен быть свободен от европейских стереотипов о восточных людях: о мужчинах и женщинах» (с. 343). Травелог А.С. Пушкина передает заботу автора о судьбах России.

Симптоматично, что путешествие А. Никитина XV века вступает в диалог с травелогами XIX века в силу своей ориенталистской составляющей в обстановке обострения русско-британских отношений в середине XIX столетия. П.В. Алексеев рассматривает его как часть русского имперского нарратива.

В заключении, которое целиком соответствует содержанию диссертационной работы, подводятся итоги и намечаются перспективы, связанные с изучением русской литературы второй половины XIX века, с реконструкцией целостной картины русского ориентализма XIX века.

Внутренний список литературы, насчитывающий 605 наименований, включает в себя источники на русском языке и на иностранных языках, названия интернет-ресурсов.

Теоретическая значимость диссертации П.В. Алексеева выявляется благодаря четкому определению и активному использованию термина «русский ориентализм».

Положения, выносимые на защиту, несомненно, являются обоснованными, новыми, достоверными, свидетельствующими о существенном вкладе П.В. Алексеева в исследование Востока, восточного текста, концептосферы русского ориентализма.

Автореферат диссертации в полной мере отражает ее содержание, он включает 2 монографии, 1 учебное пособие, 35 статей по теме работы, в числе которых 16 размещены в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертация «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, отражающие колониальный дискурс в русской литературе и формирующие структурно-семиотическую модель концептосферы «русского Востока», впервые описанную диссертантом. Совокупность научных результатов, полученных в ходе исследования, можно квалифицировать как серьезное научное достижение. Диссертационное сочинение соответствует требованиям, изложенным в п.п. 9-11 действующего «Положения о присуждении ученых степеней» от 24.09.2013, № 842. Автор диссертации, Алексеев Павел

Викторович, заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв составлен доктором филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, доцентом, профессором кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Алтайский государственный университет» Гребневой Мариной Павловной. Отзыв обсужден на заседании кафедры 28 января 2016 г., протокол № 6 (принято единогласно).

8 февраля 2016 г.

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»

Гребнева Марина Павловна

Заведующий кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет» доктор филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык, профессор

Чернышова Татьяна Владимировна

*Согласен заверяю
Начальник отдела по работе с ОП*

В.В. Мокеров

Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный университет»
пр-т Ленина, 61, г. Барнаул, 656049
Тел. (385-2) 291-291. Факс (385-2) 66-76-26
E-mail: rector@asu.ru
<http://www.asu.ru>

